

О. В. Кириченко

Краткий отчет участника российской академической группы о праздновании 200-летия Форт-Росса в Калифорнии

Торжества, связанные с 200-летием Форт-Росса в Калифорнии, были главной целью нашей поездки. Научная часть этого необычного мероприятия включала в себя участие в круглом столе «Форт-Росс как живая история», проходившем 27 июля 2012 г. в г. Санта-Роса (Калифорния), где в числе прочих тем, связанных с российской колонизацией Америки, прозвучали слова о православии как составной части этого сложного цивилизационного процесса. В праздничных мероприятиях участвовали чрезвычайный и полномочный посол РФ в США С.И. Кисляк, специальный представитель президента Российской Федерации по международному культурному сотрудничеству М.Е. Швыдкой, представитель кафедры археологии университета Беркли К. Лайтфут, директор Института российской истории Ю.А. Петров, директор института славяноведения К.В. Никифоров, директор Российского государственного гуманитарного университета Е.И. Пивовар, директор Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Ю.К. Чистов и группа научных сотрудников Института этнологии и антропологии Российской Академии наук во главе с директором института академиком В.А. Тишковым.

Второй день празднеств проходил в Форт-Россе. Мною проводился краткий опрос некоторых участников торжеств, из числа русских американцев. Культура, которую принесли сюда русские поселенцы, не была забыта, память об этих людях поддерживалась долгие десятилетия главным образом через церковное поминовение. Кафедральным центром русского православия в Америке до 1905 г. был г. Сан-Франциско, в силу чего епископы имели возможность приезжать в Форт-Росс, чтобы совершать панихиды на кладбище и молитвенно почтить всех усопших. Как нам позже удалось выяснить в ходе бесед

с участниками праздничного богослужения в Форт-Россе, традиция поминовения здесь складывалась не гладко. К концу XIX в. Никольская часовня сделалась настолько ветхой, что проводить богослужения в ней стало опасно и какое-то время заупокойные литургии перестали тут совершаться, проходили лишь панихиды на кладбище. В 1920-е годы неоценимую помощь в восстановлении полуразрушенной часовни оказали люди из общественной организации «Настоящие Сыны и Дочери Золотого Запада». В основном на их средства часовня была перестроена и приведена в надлежащий вид. В 1905 г., когда архиерейская кафедра из Сан-Франциско была перенесена в Нью-Йорк, частые богослужения стали здесь невозможны. С тех пор возникла традиция приезжать в Форт-Росс раз в год, в последнюю субботу июля, чтобы совершать панихиду в часовне и на кладбище. В 1925 г. возникла новая инициатива ректора Русской православной гимназии при Свято-Троицком соборе в г. Сан-Франциско. Он предложил совершать в Никольской часовне праздничные богослужения в День независимости, 4 июля. Инициатива была поддержана, и с тех пор начало и конец июля стали отмечать в Форт-Россе церковными службами. К 1925 г. Никольская часовня была восстановлена, и в ней могли совершаться Божественные литургии, что сделало празднования более значимыми.

В целом торжества в Форт-Россе, проходившие 28–29 июля 2012 г., включали в себя комплекс мероприятий, которые были взаимосвязаны друг с другом. Общая концепция праздника чем-то напоминала проведение «дня города» в малых городах России, когда начало праздника ознаменывается праздничным богослужением, иногда включающим в себя общегородской крестный ход (здесь последнего не было), потом торжество перетекает на разные городские площадки, где

проходят многочисленные локально организованные мероприятия, привязанные к этнографической тематике, и завершается все вечером праздничными концертами. Поскольку в Форт-Россе отмечалась такая знаменательная дата как 200 лет со дня основания этой русской крепости, то на торжественное богослужение прибыл (и возглавил его) архиепископ Наро-Фоминский Юстиниан, управляющий патриаршими приходами в США. Ему сослужил приглашенный из Башкирии епископ Николай, а также несколько священников (иеромонахов и иереев). Праздничная литургия, проведенная архиерейским чином, безусловно, подчеркнула важность торжества, придала им пышность и красоту. Пел замечательный хор, а после окончания литургии были совершены водосвятный молебен и обряд освящения новых колоколов. Как отметил звонарь Никольской часовни Сергей Мороз (русский, родился в США), «колокол в Америке — это яркое наследие Русской Православной Церкви, и сегодня многие православные приходы хотят иметь свою звонницу и звонарей, чтобы чин богослужения совершался во всей полноте. Чтобы благословение было не только устами и словами, но и звоном колоколов. Церковным колокольным звоном освящается вся земля вокруг». Заметим со своей стороны, что звонарь, никогда не бывавший в России, тем не менее, говорит о колокольном звоне с той же мотивацией, с какой говорили о нем русские крестьяне XIX столетия, весьма трепетно относившиеся к колоколам и колокольному звону («вызывает грехи», «отгоняет беса», «святит место» — вот их мотивационный ряд). Из беседы с Сергеем (ему около 35–40 лет) удалось выяснить, что традиция выливания колоколов в Америке еще только начинает осваиваться. Существуют лишь первые опыты их отливки. Но в целом православные американцы предпочитают заказывать колокола в Белоруссии (в Минске) или России. Наибольшим спросом и наилучшим качеством отличаются колокола, отлитые в Каменец-Уральске, откуда и были привезены нынешние для Никольской часовни.

Интересной традицией, которая также непросто прививается на американской земле, как выяснилось, является и хоровое пение. Клиросное пение, как известно, поется в России (и пелось в Византии) на гласы. Гласы — это уже определенная мелодия, завершенная мелодическая конструкция, их несколько, и исполнять гласы можно только так, а не иначе. В силу этого и можно говорить о разном церковном православном пении: русском, сербском, греческом, грузинском и др. В Америку пришло русское хоровое пение, и не смотря на то, что сегодня во многих православных американских храмах богослужение ведется на английском языке, но именно хоровое пение, звук колокола, особый распорядок службы, предпочитаемые иконы (как и манера их написания) — все это выдает в них русское православие. Вот почему русские, приезжающие в США и не имеющие возможности попасть в церковь с русскоязычным богослужением, все

равно чувствуют себя «как дома», когда посещают англоязычные православные храмы. Это говорили нам многие собеседники. Для русских американцев особо ощутимо здесь, в Америке, насколько переплетены этническое и конфессиональное начала в русской традиции.

Одной из задач, которые я перед собой ставил, опрашивая в Форт-Россе русскоязычных собеседников, была проблема интереса англо-американцев к русской культуре, что нашло яркое выражение в фольклорном празднике в Форт-Россе. Мы видели этих совершенно не говорящих по-русски людей, но одетых в русские (в соответствии с эпохой конца XVIII — начала XIX в.) одежды и, как мне показалось, прочно слившихся с ней. Это не было похоже на театральное костюмированное. У меня периодически возникало чувство, что это сценки реальной, той жизни крепости Росс, пусть чуть приукрашенные чистотой одежд и умиротворенностью лиц, но покой и отрешенность их по-своему были, играли на правдоподобность и реализм происходящего. Словом, происходило не совсем обычное представление, люди явно были «в теме» и отдавали нам часть своей души. В этом смысле театральное представление, которое разыгрывалось на сцене на двух языках, было действительно театром в театре и выглядело уже не так живо и натурально, как немые и будто ни к чему не обязывающие сцены ремесленной и бытовой деятельности. Мы встречались с этими людьми везде (например, двое из них, как Онегин с Ленским, совершали прогулку к океану, о чем-то тихо беседуя). На прибрежном песке в заливе, лежали (так естественно) несколько индейских каноэ (из числа тех, на которых велась когда-то здесь добыча морской выдры, и старик в индейской одежде на наших глазах раскрывал раковины и поедал моллюсков прямо с ножа.

Надо сказать, что мир верующих, молящихся в Никольской часовне, где не чувствовалось никакой театральности, не был отделен от мира переодетых людей в костюмы другой эпохи. Русские американцы — участники театрализованного представления — сами отмечали, что для них это не театр, как и для англо-американцев, а нечто большее. Примерно около половины из тех, кто принимал участие в празднике (и русских, и англо-американцев), присутствовали как верующие или же, как сочувствующие (интересующиеся) на праздничном богослужении, и, соответственно они участвуют в богослужении

и в своем городе. Для них «русский праздник» — это не только костюмы и декорации, но и службы, хоровое пение, колокольный звон, русская культура. Они отталкивались в своем интересе к данному мероприятию и вообще к феномену Форт-Росса (как центру традиционной русской культуры в США) от традиционной русской культуры. Неизгладимое впечатление произвели на меня хороводы, самое живое и яркое из всего происходящего. Я внимательно смотрел, как в «чижика» (хоровод со сватаньем молодого офицера) с упоением играли и русские девочки, и ребята, и англо-язычные американцы. Организатором хороводов был приехавший из Иркутска, вместе с мэром города, детский фольклорный коллектив. Они быстро и органично вписались в культурную среду заповедника, так что было трудно разделить русских детей от американских. Зрелище хороводов было таким заразительным и естественно-народным, что хотелось в нем участвовать. Запевалами выступали русские дети и взрослые. Другие, хотя и молчали, но сколько у них было и эмоций и

естественной игровой мимики! Было понятно, что и здесь язык не помеха, настолько естественным образом все участвовали в игре. Пение было записано мной на диктофон и даже при прослушивании его ощущаешь те удал, ребячливость и радость от игры, которая там разворачивалась. Выяснилось, что праздник готовился не только «русскими силами». Самое активное и живое участие проявили нерусские американцы. Они участвовали в хороводах, приготовлении традиционной пищи, представлении традиционного быта, рекламе старинной утвари, показе прикладного искусства, резьбы по дереву, ткачества. Как оказалось, часть из этих людей заинтересовалась русской культурой благодаря книгам, посвященным Форт-Россу как русскому памятнику, а некоторые — через интерес к Русской Православной Церкви.

Особое значение для распространения традиционной русской культуры имело в США поколение русских эмигрантов, насильственно вытесненных Китаем из Харбина и переселившихся

сюда. Этих людей уже нет в живых, но в семьях их детей и внуков сохранилось многое из того, что было принято называть дореволюционной Россией. Как отмечали в беседах русские, приехавшие в Америку в советское время, у поколения «харбинцев» не было опыта советизации, который получили они, в силу чего первые переселенцы более естественно чувствовали себя в старой культуре. Новым же поколениям приходится узнавать о прошлом посредством книг, архивов, музеев, подобных Форт-Россу. Они говорили, что вопрос возвращения в американскую русскоязычную среду подлинной русской культуры сегодня стоит очень остро. Русская культура, в их оценке, — это культура, воспитанная на православии, потому что именно она делает моральные критерии естественным элементом жизни, это закваска, берегущая русскую культуру за границей от размывания.

В подготовке юбилейного празднования в Форт-Россе приняли участие несколько разных организаций: Русская Православная Церковь Московского Патриархата (в лице архиереев и монахов), клирики (дьяконы и священники) Никольского собора Сан-Франциско (а это Русская Православная Церковь за Границей), а также прихожане Никольского собора. Костюмированное представление было организовано и проведено под опекой руководства штата Калифорния, силами оплачиваемых государством культурологов, специалистами из ряда университетских центров (Беркли) — всех тех, кто трудится (в том числе по его приглашению) в государственном объединении «FortRossStateHistoricPark». Кроме того, существует еще непроfitная общественная организация «FortRossConservens», функционирующая на благотворительные средства; которая также занимается историческими изысканиями, этнографией и ставит целью сохранение традиций русской культуры. В целом же, как мне показалось, Форт-Росс живет уже не только как музей-заповедник, представляющий собой «собрание экспонатов», но это и творческая лаборатория (в том числе для этнографов и антропологов) и широкая межэтническая площадка для культурного общения.

